

0-734028-1

ШТЫРОВА АЛИМА НИКОЛАЕВНА

На правах рукописи

РОМАН М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»
В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

10.01.01. русская литература

Тверь, 2002

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы
Тверского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук
профессор
Карташова И.В.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор
Удодов Б.Т.

кандидат филологических наук
доцент
Шевякова Э.Н.

Ведущая организация: Псковский государственный педаго-
гический институт

Защита состоится 19 декабря 2002 г. в 14.00 час. на заседа-
нии специализированного ученого совета К. 212. 263. 03.
при Тверском государственном университете по адресу:
170002, г. Тверь, Чайковского, 70.

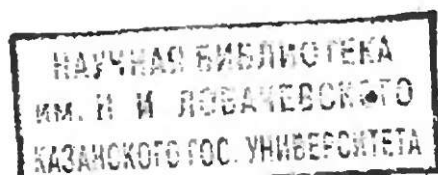
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Тверского государственного университета

Автореферат разослан 19 ноября 2002 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук

Николаева С.Ю.

ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования Творчество Лермонтова обладает неисчерпаемым философско-эстетическим потенциалом. Несмотря на обилие исследований, ученые продолжают обращаться к нему, находя новые аспекты и пути изучения. Одним из еще недостаточно изученных вопросов лермонтоведения является проблема литературных связей писателя с западноевропейской, и, в частности, с французской литературой. В произведениях авторов французского аналитического (или, как его иначе определяют, «исповедального», «интимного» (Monglond A., Morgeau P.), «личного» («субъективного», «персонального») (Ph. Van Tieghem) романа романтическая проза достигла большой художественной высоты. Именно французскими романтиками были выработаны новые способы изображения человека. Общеизвестным является тот факт, что французский аналитический роман стоит у истоков новой европейской прозы.

Вопрос о соотношении романа Лермонтова «Герой нашего времени» и французского аналитического романа неоднократно ставился в трудах дореволюционных и современных литературоведов (А.Н. Веселовского, Н.П. Дашкевича, Э. Дюшена, И.И. Замотина, Н.Н. Котляревского, С.И. Родзевича, А.А. Шахова, С.В. Шувалова, А.В. Федорова, Б.В. Томашевского, Б.М. Эйхенбаума, И.В. Карташовой, В.В. Липича, Н.Г. Калининской, Б.Т. Удодова, Т.Т. Уразаевой, Е.Н. Михайловой и др.), однако его нельзя считать исчерпанным. Чаще всего сравнение производилось с одним — двумя писателями (Лермонтов и Констан, Лермонтов и Мюссе). До сих пор не существует комплексного исследования романа Лермонтова «Герой нашего времени» в кругу произведений французской романтической прозы. Хотя авторы французского аналитического романа отличаются яркой индивидуальностью, на наш взгляд, существует типологическая общность их эстетических установок, выражающаяся в том, что они предпринимали попытку художественного исследования личности, сформированной «переходной» эпохой. Мы подходим к сопоставлению романа Лермонтова и французского «личного» романа, имея в виду эту общность.

Суждения о необыкновенной художественной «отзывчивости» Лермонтова, о «синтезирующем» характере его творчества, высказывавшиеся как дореволюционными, так и современными исследователями, приняли аксиоматический

характер. В «пафосе всемирной сопричастности» (Е.М. Пульхритудова) литературоведы справедливо видят проявление своеобразия художественного мышления Лермонтова – поэта и прозаика. Однако природа этого феномена остается не вполне проясненной.

В настоящее время в литературоведении пересматривается взгляд на романтизм как на «монологическое» искусство. Как показано в исследованиях последних лет (И.В. Карташовой, О.Б. Вайнштейн), художников-романтиков отличает особая, повышенная эстетическая восприимчивость, стремление к сотворчеству, диалогу, убежденность в необходимости свободного обмена мыслями как условия самой возможности творчества. По мысли И.В. Карташовой, феномен «сопричастности», диалогичность мышления являются специфическими чертами, характеризующими творческие установки писателей романтической эпохи независимо от их принадлежности к той или иной национальной литературе и хронологическому этапу развития романтизма¹. Актуальность работы, таким образом, обусловлена и тем, что роман «Герой нашего времени» в ней рассматривается в аспекте диалогических связей.

Цель исследования В диссертации ставилась цель показать характер творческих связей М.Ю. Лермонтова с французской романтической прозой, выявить особенности восприятия и переработки в творческом сознании писателя философско-эстетических и художественных идей французских романтиков, определить, какое место имели их открытия в создании замысла романа «Герой нашего времени» и его художественном воплощении. В работе предпринимается попытка решения проблемы соотношения концепции личности, принципов изображения человека в романе Лермонтова «Герой нашего времени» и во французской аналитической прозе, а также вопроса о жанровом своеобразии этих произведений.

Материал исследования Материалом исследования явились те произведения французской литературы, в которых принципы личного, аналитического романа проявились наиболее отчетливо. Это романы Шатобриана «Атала или любовь двух дикарей», «Рене или следствия страстей», Э. Де Сенанкура «Оберман», Б. Констана «Адольф», Ш. Нодье «Жан Сбогар», А. Де Мюссе «Исповедь сына века».

¹ См., напр.: Карташова И.В. Этюды о романтизме. Тверь, 2002; Вайнштейн О.Б. Язык романтической мысли. М., 1994 и др.

Методы исследования Предмет и аспект исследования требовали применения сравнительно-исторического, типологического, генетического методов исследования. В работе мы опираемся на теоретические положения и методологические принципы, выдвинутые в трудах по сравнительному литературоведению (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Е.Г. Эткинд, М.П. Алексеев), в исследованиях, посвященных проблемам романтизма (Н.А. Гуляев, Н.Я. Берковский, Ю.В. Манн, И.В. Карташова, Н.Я. Дьяконова), французской романтической прозы (Б.Г. Рейзов, Л.А. Мироненко, Э.Н. Шевякова, Н.В. Забабурова, Berg E., Dedeyan Ch., Van Tieghem Ph., Haldane Ch., Oliver R., Monglond A.), в лермонтоведении (Д.Е. Максимов, Е.Н. Михайлова, Б.Т. Удодов, Т.Т. Уразаева, Б.М. Эйхенбаум, А.И. Журавлева, В.М. Маркович, Е.М. Пульхритудова, И.Б. Роднянская, Э.Г. Герштейн, К.Н. Григорьян, И.А. Зайцева, В.И. Коровин, М.М. Уманская и др.)

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается специальное рассмотрение романа Лермонтова в контексте французской романтической прозы, что дает возможность увидеть и по-новому осветить еще недостаточно акцентированные исследователями стороны как «Героя нашего времени», так и произведений французских романтиков, а также показать трансформацию романтических принципов и рождение нового эстетического качества лермонтовского романа.

Теоретическое и практическое значение исследования Диссертация позволяет дополнить представление об отношении М.Ю. Лермонтова к французской романтической прозе как в типологическом, так и в историко-генетическом аспектах. Изучение данной темы может представлять материал и для уточнения общих закономерностей таких двух важных составляющих мирового литературного процесса, как русская и французская литературы. Результаты исследования могут быть использованы при разработке курсов по русской и зарубежной литературе в школьном и вузовском преподавании.

Апробация исследования Обсуждение материалов работы проводилось на конференциях «Актуальные проблемы филологии в вузе и школе» (Тверь, 2000, 2001), заседаниях Учебно-научной лаборатории комплексного изучения проблем романтизма (Тверь, 1999, 2000, 2002), Бодуэновских чтениях (Казань, 2001), V Поспеловских чтениях (МГУ, 2001).

Структура и содержание работы Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, состоящей из 382 наименований трудов отечественных и зарубежных авторов.

Во введении обосновывается актуальность темы, выясняется степень ее изученности, определяются цель и направление исследования, характеризуются методологические принципы.

В первой главе «Концепция «героя времени» в произведениях Лермонтова и французских романтиков» основное внимание уделяется сопоставлению концепции личности «героя времени», заявленной в романе «Герой нашего времени» и в прозаических произведениях французских романтиков, создается типология героев «сумеречной» эпохи, уточняется своеобразие духовного пути (в его содержательном выражении) лермонтовского героя по сравнению с другими представителями галереи образов «молодого человека XIX столетия».

Возникновение диалога между Лермонтовым и французскими романтиками обосновано интеграцией их философско-эстетических исканий в русле единой проблемы духовного облика современника.

В диссертации определены ключевые аспекты этой проблемы, ставшие темой «собеседования» русского и французских писателей: вопрос о своеобразии духовного склада современного поколения по сравнению с «предками»; о содержании и трактовке понятия «болезнь века» и путях ее «лечения»; о мировоззренческом значении «настоящего времени»; последовательно развивается мысль о сходстве задач, которые ставили перед собой Лермонтов и Шатобриан, Сенанкур, Нодье, Констан, Мюссе, и подчеркивается своеобразие их решений в каждом случае.

В понимании Лермонтова и французских романтиков (Шатобриана, Сенанкура, Нодье, Мюссе), «отцы» и «дети» разделены границей, имеющей прежде всего не хронологический, а мировоззренческий смысл. Ее появление сопряжено с возникновением рефлексивного типа сознания, что обусловило своеобразное видение мира, характеризующееся обостренным сознанием личностью собственной «автономности» и права на самостоятельное мышление, наличием принципиального противопоставления субъекта объекту (природе, обществу). Детальное рассмотрение философско-эстетических взглядов Шатобриана позволяет глубже обосновать типологическую близость героев Лермонтова и французского романтика.

Обращаясь к сопоставлению этапов духовного развития человечества, Шатобриан сближает варварство и христианство, настолько глубокой является граница, лежащая между этими типами мировоззрения и мировоззрением современного человека, в сознание которого вошла идея движения, сопряженная с критической активностью мысли. В диссертации раскрывается сложность, диалектичность оценок значения времени «отцов» и «детей», которая в особенности показательна для Мюссе и Лермонтова, считавших, что в чем-то поколение «неискушенных» «предков» было лучше, даже выше своих утративших волю к действию и замкнувшихся в «сознательном» эгоизме «потомков».

«Поворотным» пунктом в духовной биографии героев Лермонтова и французских романтиков является утрата ими цельного, гармонического мирозерцания, разочарование в возможности реального существования созданного в воображении идеала, активизация аналитической деятельности сознания. Этому духовному состоянию сопутствуют негативные симптомы идеологического, духовно-нравственного, эмоционального порядка, комплекс которых получил обобщающее определение «болезни» века (Лермонтов, Мюссе). Герой «переломной» эпохи ощущает потребность в любви, сближении с миром, имеет нерастраченные духовные силы, но обитающий в его сознании «демон» сомнения и скепсиса разрушает веру в возможность удовлетворения этих стремлений, порождает горькое осознание собственного бессилия, эгоцентрическую замкнутость, «постыдное» равнодушие к добру и злу. Скептицизм распространяется и на морально-этические нормы, поэтому границы между добром и злом для героев оказываются относительными, поступки обоснованными лишь собственными представлениями о границах дозволенного человеку. Данное положение французских романтиков раскрывается на примере сопоставления Печорина с Рене, Оберманом, Ж.Сбогаром, Октавом.

Подобное понимание содержания духовного мира человека «переломной» эпохи обусловило полемику Лермонтова и французских романтиков с философскими идеями Руссо. В диссертации указываются общие пункты этой полемики, к которым отнесены вопросы о возможности для современного человека идиллического существования на лоне природы; о справедливости убеждения в «природной» добродетели и значении духовного воспитания личности.

В представлении Лермонтова и авторов «исповедальной» прозы (Шатобриана, Нодье, Констан), «природный»

характер человека отмечен такими негативными чертами, как склонность к разрушению, отсутствие восприимчивости и сочувствия к чужой боли, неразвитость чувства моральной ответственности. Залогом человечности для русского и французских писателей служит прежде всего духовная развитость личности, которая включает в себя и элементы «незамутненного» детского мирозерцания, доброту, чистоту, открытость миру, доверчивость, способность к глубокому переживанию близости к природе. Но Лермонтов, в отличие от Шатобриана, Нодье, Сенанкура, более диалектичен в оценке «вольной» жизни «простых» людей, разделяя убеждение Пушкина, что «страсти роковые» бушуют и в их среде. Печорин проходит уготованный романтическому герою круг исканий и убеждается в невозможности руссоистской идиллии, т.к. обнаруживает огромные различия в собственном духовном облике и жизненных представлениях «простых» людей.

В диссертации сопоставляются взгляды Лермонтова и французских романтиков на перспективы «рефлексивного» типа сознания. Писатели настаивают на необратимости процесса «взросления» личности. Достигнутая героями вершина интеллектуального развития единодушно оценивалась авторами французского исповедального романа как трагический этап. Рефлексивное сознание, лишенное опоры на внеличные авторитеты, приближается к опасному пределу, балансируя на том рубеже, за которым оно обращается против самого его носителя, грозя вырождением заложенного в этом типе мировоззрения гуманистического содержания. Лермонтов и французские писатели сближаются в утверждении необходимости преодоления субъективизма, индивидуализма героя. С другой стороны, французские романтики, в сущности, не видели перспектив дальнейшего поступательного развития человеческого духа.

Лермонтов же усматривал в критическом сознании развивающееся явление. Освобождаясь от влияния субъективно-эмоционального фактора, личность становится способна к более объективной оценке жизненных явлений. Настоящее состояние духа Лермонтову, в отличие от французских романтиков, представлялось не последним этапом, а одним из моментов его исторического развития. Исходя из этой идеи Лермонтов, «отвечая» французским романтикам, не останавливается на изображении уже подробно исследованного в их произведениях течения «болезни века», хотя духовная биография Печорина в «снятом» виде сохраняет следы предшествующих ступеней развития «истории молодого человека XIX столе-

тия». Русский писатель сосредоточил внимание на изображении возможности выработки героем нового мирозерцания и роли в этом процессе рационально-аналитического начала. Мысль о диалогической природе замысла лермонтовского романа подтверждается сопоставительным анализом его героя с героями французских романтиков. Оберман Сенанкура, Рене Шатобриана остались на тех же мировоззренческих позициях, которые породили их «мировую скорбь». У Печорина намечается тенденция преодоления этого состояния, он проявляет способность более гибко соотносить субъективную волю с закономерностями объективной действительности («Фаталист»).

В диссертации отмечается сложность, неоднозначность выносимых Лермонтовым и Нодье авторских оценок поведения их героев. «Идея зла», которой Печорин «предается» так же, как и Сбогар, является откликом на пережитое страдание, причем, побуждая к активному действию, она становится разрушительной страстью, удовлетворение которой связано со своеобразным наслаждением. В «Жане Сбогаре» за пределами повествования оставался «процесс» суда героя над миром. Как бы восстанавливая этот фрагмент духовной биографии, Лермонтов изображает поведение Печорина на дуэли, что позволяет раскрыть логику «демонического героя», берущего на себя провиденциальные функции. В романе Нодье звучит религиозная мысль: нарушать божественное установление, вершить судьбы мира непозволительно для человека. Осознавая свою обреченность, Сбогар ожидает божественного возмездия. Не снимая полностью темы роковой обреченности, Лермонтов ставит вопрос о виновности человека, сделавшего зло своим жизненным принципом и явившегося как бы орудием этой идеи-страсти. Печорин вплотную подходит к осознанию собственной вины и ее причины – эгоизма, ставшего «жизненной философией». Лермонтов до предела обнажает связь «идеи зла» с эгоизмом и индивидуализмом. Развивая поставленную Нодье проблему на новом уровне, он дает, по сути, реалистическое объяснение поступков Печорина, и непосредственно предвосхищает Достоевского, связывая зародившуюся в сознании героя «идею мести» с болезненным переживанием им личной уязвленности.

По мнению французских романтиков, преимущество эмоционально-интуитивного мироотношения заключается в том, что обладающий им человек «открыт» для любви и веры. Особенно отчетливо эта мысль проявилась у Шатобриана, Нодье, Мюссе. Условием возможности более гармониче-

ского состояния духа для «рефлектирующего» героя, по их мысли, является усвоение им элементов «наивного» мирозерцания, способности любить, верить вопреки знанию. При этом писатели были убеждены, что стремление к независимому мышлению составляет самую суть духовного мира современного человека, и смирение с Божественным промыслом для него равнозначно самоотрицанию. Их произведения оставляют чувство неразрешенности данной философско-этической коллизии.

По мысли Лермонтова, с изменением качества познания связана и возможность появления у героя нового чувства, «испытанного знанием ... пределов человеческой природы, а потому не боящегося никаких разочарований»², возникающего не вопреки «опыту», а как его следствие.

В контексте размышлений французских романтиков необратимость развития человеческого духа представляла причиной неразрешимости противоречий «рефлектирующего» сознания, в связи с чем они оценивали «век» как период бесплодных заблуждений. «Потомки», мирозерцание которых будет отличаться большей гармоничностью, предадут забвению опыт этого поколения. В главе рассматривается соотношение понятий «века» и «времени» в художественном словаре Лермонтова. Лермонтовское понимание «века» как «смешного и жалкого» во многом близко представлению французских романтиков о специфике настоящего духовно-исторического момента. Понятие «времени» у русского писателя наполнено более масштабным онтологическим содержанием и связывалось с великими историческими событиями, подвигами, в которых будущие поколения могут почерпнуть пример мужества и героизма. Название романа «Герой нашего времени» заставляет вспомнить строки «Бородино»: «Да, были люди в наше время...». Героизм, в понимании Лермонтова, возможен и в интеллектуальной сфере. Если купец Калашников готов «постоять за правду до последнего» в честном поединке, то Печорин проявляет ту же готовность по отношению к себе в исповеди, писаной «без тщеславного желания возбудить участие или сожаление». Лермонтов подчеркивает ценность осуществленного в ней принципа отношения личности к себе, благодаря которому исповедь героя является вкладом в духовный опыт «потомков»; поэтому при всем трагизме личной судьбы героя название романа не звучит трагически. Лермон-

² Маркович В.М. «Герой нашего времени» и становление реализма в романе. // Русская литература. 1967, № 4. С. 54.

тов делает попытку диалектически соотнести в образе героя черты «сына века» и «героя времени», что является специфическим «лермонтовским элементом» в общеромантическом диалоге о судьбе «молодого человека XIX столетия».

Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что, соприкасаясь с французскими романтиками в представлении о духовном облике настоящего поколения, Лермонтов предлагает во многом иное решение проблемы. Поскольку с аналитической деятельностью сознания связана выработка более диалектичного, объективного отношения человека к себе и миру, в ней обнаруживаются плодотворные потенции, открывающие новые перспективы духовного развития личности. Эта мысль звучит в размышлениях Печорина о «суде» «души над самой собой», о «высшем состоянии самопознания», поднявшись до которого, человек становится способен постигнуть правосудие Божие, сохраняя «моральный суверенитет»³, свободу мышления. В отличие от французских романтиков, Лермонтов приходит к мысли о возможности смягчить разрыв между различными типами сознания. «Нелюбовь» к «метафизическим преиям» до некоторой степени сближает мировоззрение Печорина с мировоззрением Максима Максимыча. Печорину оказывается доступна беспощадная ясность взгляда на жизнь, без которой невозможна объективная, «трезвая» оценка ее явлений.

Процесс выработки нового мирозерцания, начатый Лермонтовым в поздней лирике и в «Герое нашего времени», остался незавершенным. Автор диссертации присоединяется к мнению исследователей, рассматривавших роман как переходное явление (И.В. Карташова, Б.Т. Удодов). Эта переходность связана как с заключенным в нем философским содержанием, так и со способами изображения героя.

Во второй главе «Психология романтического героя в изображении Лермонтова и французских писателей» рассматривается представление Лермонтова и французских романтиков о психологической структуре личности, определяется соотношение различных элементов этой структуры, сопоставляются приемы раскрытия внутреннего мира героя.

Взгляды Лермонтова на задачи психологического анализа близки эстетическим установкам французских романтиков, стремившихся через постижение «истории души» героя разобраться в духовном состоянии современного поколения. Применив средства рационалистического анализа по отноше-

³ Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. М.-Л., 1964. С. 76.

нию к внутреннему миру романтического героя, они показали его «под микроскопом» аналитической рефлексии, добившись тем самым психологического «правдоподобия».

Психологическая проблематика, интересовавшая Лермонтова и французских романтиков применительно к типу «рефлектирующего» героя, сконцентрирована на решении вопроса о соотношении в его сознании «рационального» и «эмоционального» начал.

«Механизм» самоанализа, основывающийся на разведенности «эмоциональной» и «рациональной» «частей» сознания, у Печорина является таким же, как и у героев французской романтической прозы. Личность, в размышлениях русского и французских писателей, предстает как единство духовного существа, предполагающее наличие рефлексивного сознания, способности человека к анализу содержания своего внутреннего мира и его оценке в этической перспективе.

Осваивая диалектический подход к изображению внутреннего мира, Лермонтов и французские романтики сходились в мысли о том, что "на дне" человеческой души таятся "темные" страсти, эгоизм, которые, оказывая подспудное влияние на мысли и поведение, лишают сознание героев цельности. В результате они как бы против своей воли совершают поступки, противоречащие их внутреннему самоощущению.

В диссертации проанализированы признания Печорина и героев французских романтиков, имеющие общую психологическую основу, строение и смысл, свидетельствующие о «разорванности» чувств героев, характеризующие их типологически близкое духовное состояние; выясняются различия в способах их изображения. Рассмотрение произведений Шатобриана, Констан, Мюссе, Нодье, Сенанкура позволяет сделать вывод, что суммарность и «спонтанность» психологического анализа, использование приема психологической детализации позволили им предельно концентрированно представить «разорванность» души героя. При этом ее иррациональная сфера противопоставлялась сфере рассудка. Герои французского «личного» романа часто оказывались в растерянности перед непредсказуемостью собственных душевных движений, которые «слова могут ... обозначить, но неспособны ... определить» (Констан). Сознание «рефлектирующего» человека, который утратил душевную цельность, представлялось особенно сложным. Подспудные душевные движения, по мысли французских романтиков, слишком «зыбки», чтобы их уловить, но они во многом определяют поведение героев. «Судящее» начало сознания подавляется влиянием

более сильного голоса неподвластных ему непосредственных мыслей и желаний. Суждения героев о мире и о себе всегда субъективны, поскольку они зависят от "капризов" сердца, изменяются в зависимости от многообразных влияний. Психологическая «раздвоенность» героев Шатобриана, Констана, Мюссе носит болезненный характер.

По мнению Лермонтова, анализ и самоанализ могут быть свободны от влияния субъективно-эмоциональной сферы. Но это не означает «обеднения» духовно-эмоциональной жизни личности. Загадка психологии лермонтовского героя состоит в том, что страсти в его душе достигают чрезвычайно накала, но яркая эмоциональная жизнь дана в сочетании с его критическим самоанализом. Вместе с тем, в душевном мире Печорина некоторые моменты остаются немотивированными, не вполне ясными как герою, так и автору, для которого он во многом остается грандиозной личностью с укрупненным масштабом духовной жизни, существом «иной породы». Рассудочную позицию героя Лермонтов, в отличие от французских романтиков, перестает непосредственно связывать с его «охлажденностью». С одной стороны, Лермонтов делает способы самоанализа героя даже более подчиненными рационализму, и вместе с тем эмоциональное и рациональное начала в анализе Печорина часто сливаются. Признавая, что сложные переживания невозможно подвергнуть исчерпывающему объяснению, Печорин лишь констатирует некоторые моменты своей душевной жизни, не анализируя их. Формы психологического анализа у Лермонтова становятся более сложными, изощренными. Печорин обнаруживает в своем сознании некие "загадочные" элементы, которые свидетельствуют о возможности сосуществования в душе сознательного и подсознательного, делают содержание его внутреннего мира более «объемным». Однако доминирующим в романе является стремление героя с максимальной точностью дифференцировать рождающееся чувство, понять его значение.

Отталкиваясь от завоеваний французской романтической прозы, Лермонтов идет дальше в изображении сложных движений человеческой души. Русский писатель был убежден в способности человека средствами рационального анализа определить скрытые мотивы своего поведения, и это знание, по мысли Лермонтова, дает власть над хаосом эмоциональной жизни. Невозможность организовать сосуществующие в душе противоположные устремления определила психологическую драму героев французских романтиков. Мучительность их психологического состояния определялась тем, что "болезнь"

была обусловлена противоречиями, коренящимися в их же собственном сознании, объяснялась влиянием вышедшей из-под контроля одной «половины» души. "Противоречивость" личности Печорина, в силу его способности дифференцировать "толпящиеся" в сознании чувства, определять мотивы поступков, в действительности управляющие поведением, не доходит до того предела, когда существо человека как бы растворяется в противоречиях. Своим стремлением к точному определению внутренних побуждений, чувств Печорин как бы овладевает ими и тем самым лишает их власти над собой.

Средства психологического анализа определяются тем, как писатели понимают его задачи. В диссертации выясняются характерные для Лермонтова и авторов французской исповедальной прозы позиции по этому вопросу, сопоставляются актуальные в каждом случае способы изображения внутреннего мира героев. Французские романтики сосредоточивали внимание на изучении влияния на поведение героев неосознанных страстей; они создавали определенную лирико-психологическую атмосферу, прибегали к изображению парадоксальных, непредвиденных душевных движений, необъяснимых смен настроения, резких переломов во внутреннем мире героев. Авторы французской романтической прозы концентрировались на изображении «сумеречного» состояния души. Во внутренней жизни Рене, Адольфа, Октава лирические «пассажи» чередуются со скептическими размышлениями, причем героям присуще некое наслаждение чуждой на самом деле ролью. Эта контрастность, «наложение» разных пластов душевной жизни позволяет предельно концентрированно выразить напряженно-болезненное состояние их героев.

Для Лермонтова и французских романтиков характерна спроецированность психологических размышлений в русло этической проблематики. В диссертации определяется своеобразие ракурсов, в котором русский и французские писатели рассматривали эту проблему. Преимущественное развитие в современном человеке рефлексивного начала представлялось авторам французского исповедального романа опасным, уничтожающим «лучшую», эмоциональную «половину» души. «Разорванности» сознания рефлектирующего героя, по их мнению, можно противопоставить лишь цельное чувство — веру, любовь, побуждающие к альтруизму. Лермонтов показывает, что единство личности «рефлектирующего» героя напрямую связано с тем, насколько человек может в своем поведении сознательно противостоять «непросветленным» побуждениям. При объективно-аналитическом подходе героя к самому

себе происходит осознание им своего характера, с чем Лермонтов напрямую связывает возможность совершения поступка, который соответствовал бы его сознательному и, следовательно, свободному выбору. Печорин, в отличие от героев французских романтиков, может в своем поведении руководствоваться подобным выбором (сцена финального объяснения с Мери). В диссертации показано, что способность героя Лермонтова к самоопределению сделала возможным понимание самоанализа как основы духовного роста личности.

Раскрывая сложное отношение Лермонтова к психологическим завоеваниям французских романтиков, включающее и развитие, и полемику с их принципами, автор диссертации сопоставляет психологическую коллизию и ее разрешение в романах «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени» и «Адольф» Констана, который наиболее полно воплотил основные тенденции изображения личности, характерные для французского аналитического романа. В работе рассматривается ряд психологических ситуаций, в которых динамика душевных движений героев оказывается сходной, подчеркивается, что самоанализ Печорина способен подчинить себе непосредственное чувство. Порой это приводит к параллельному развитию "эмоционального" и "аналитического" «сюжетов».

Лермонтов, как и французские романтики, признает, что психологический «скальпель» часто убивает непосредственность чувства, и вместе с тем, именно в самопознании заключается для русского писателя нравственное величие человека, выражение его достоинства, бесстрашия. Лермонтов выдвигает идею духовного развития личности как процесса, основанного на опыте постоянного самоосмысления, раздвижения границ знания о себе и о мире, что позволяет человеку открывать для себя некие новые философские, этические, психологические основания поведения. Если у французских романтиков (Констана, Мюссе) исповедь представляет собой попытку уже ретроспективного изложения «истории души», то журнал Печорина становится выражением процесса духовного становления личности.

Рефлексия, понимаемая русским писателем как беспрепетное, до самых сокровенных глубин души идущее познание, представляется ему необходимым психологическим состоянием человека. К мысли о духовном возмужании Печорин приходит не через интуитивное постижение истины, а на основе своеобразного аналитического прогноза.

В третьей главе «Жанровое своеобразие романа Лермонтова «Герой нашего времени» и произведений француз-

ских романтиков» делается попытка сопоставления романов Лермонтова и французских романтиков в жанровом аспекте.

Избранные аспекты жанрового сближения обоснованы общей для Лермонтова и французских романтиков направленностью эстетического мышления: повышенной ролью интеллектуального начала, интересом к фрагментарному принципу повествования. Внимание писателей к жанру романа объясняется тем, что в силу своей способности к модификациям он в особенности отвечал их эстетическим потребностям. В главе устанавливается специфика «субъективного» романа и определяются его истоки. Аналитизм, рационалистические способы анализа героя у русского и французских писателей сочетаются с субъективно-лирической стихией, что роднит этот жанр с романтической лирической поэмой.

Отмечается сложность жанровых определений романа Лермонтова и произведений французских романтиков, создавших прозу, которая рождалась на «стыке» разных жанровых направлений – исповедального психологизма Руссо и рационалистического аналитизма философского просветительского романа, прослеживается характер произведенных ими жанровых трансформаций. Интеллектуальный склад героя у Лермонтова и французских романтиков обусловил эстетические задачи жанра. Тенденция к постановке мировоззренческих проблем, заявленная в философском просветительском романе, в их произведениях перешла в стремление показать поиск разрешения героями «последних» вопросов бытия. На первый план у романтиков вышла не абстрактная «идея», а проблема человека, который ищет истину. Для героев истинны только те представления о мире, которые способствуют приближению к пониманию сущности мироздания и места человека в нем. Эти элементы организуют структуру и строение сюжетов личных, субъективных романов. В «Герое нашего времени» связь с эстетическими принципами французских романтиков отчетливо проявляется в главе «Фаталист», выражено тяготеющей к жанру философской повести. В центре «Фаталиста» оказывается ищущее человеческое сознание, которое, исследуя идею в разных ракурсах, гибко соотносит ее с «живой жизнью». Сопоставительное рассмотрение произведений Нодье, Мюссе, Шатобриана и «Героя нашего времени» позволяет сделать вывод, что французские романтики и Лермонтов акцентировали прежде всего этическую сторону философского эксперимента. При этом жанр философского романа приобретает у Лермонтова новые черты. Философские аспекты

«Героя нашего времени» соединяются с ярко выраженной событийностью, осложняются приключенческими элементами.

Исповедь героя во французских личных романах и «Герое нашего времени» предстает как аналитическое размышление, предмет которого расширяется со сферы интимного мира личности до масштабных мировоззренческих проблем. Жанр исповеди у романтиков стремится к воссозданию духовной атмосферы эпохи и, одновременно, к выражению общечеловеческого содержания. В работе различаются позиции героев как авторов исповеди и как ее субъектов. Установка на самовыражение в исповедях Печорина и героев французской романтической прозы неизменно поверяется параллельно производимым критическим анализом.

Жанр аналитического романа у французских романтиков и Лермонтова тяготеет к фрагментарности и новеллистическому принципу организации художественного целого. В прозаической форме фрагментарному мышлению наиболее отвечал жанр повести (новеллы) с присущей ему установкой на изображение отдельного яркого события из жизни героя.

В диссертации выясняются общие принципы связи фрагментов в единое целое в произведениях Лермонтова и французских романтиков, которое определяется единством сознания героя. Писатели используют в своих произведениях «вершинную» композицию, которая наиболее соответствовала характеру его мировосприятия. Отчетливое выделение этапов жизни героя, характеризующихся переломами в его мировоззрении и внутреннем состоянии, усиливает драматизм психологической ситуации, позволяет рассмотреть ее в динамике. В силу фрагментарности мышления, использования «связок образов» (Ph. Van Tieghem), резких психологических контрастов в произведениях Шатобриана, Нодье, Мюссе сохраняется романтическая поляризация художественного видения жизни. В «Герое нашего времени» личное и социально-историческое проникают друг в друга на более глубоком уровне, будучи органично растворенными в самой ткани художественного повествования, в результате чего создается уникальное качество романа, сближающее его уже с реалистической эстетикой. Это позволяет сделать вывод, что Лермонтов, учитывая завоевания авторов французской романтической прозы в плане объяснения духовной драмы героя социально-историческими обстоятельствами, делает шаг в сторону художественных обобщений качественно иного уровня. Если мысль французских романтиков движется от конкретно-исторического к общечеловеческому, то Лермонтов стремится показать нераз-

рывность этих планов. Воздействие «большого» мира на внутренний мир героя оказывается не «прямолинейным», выступая как непрерывный диалектический процесс, присутствующий чаще в подтексте.

Фрагмент, по мысли французских романтиков, давал возможность «микроскопически» исследовать жизнь сердца героя. Фрагментарное повествование романа «Герой нашего времени» имеет больше общего с принципами циклизации романтиков, чем с бальзаковским принципом «микроскопического» «анатомирования» социальной действительности, хотя и приобретает тенденцию к эпизации, стремление изобразить более широкий круг жизненных сфер.

Усложненное понимание соотношения человека и мира ведет к усложнению жанровой структуры произведений Лермонтова и французских романтиков, которые начинают включать в себя элементы нескольких жанровых разновидностей. Художественная структура лермонтовского романа в этом плане является более разнообразной. Разножанровость составляющих роман фрагментов придает ему ту эпическую широту, объективность и своеобразный энциклопедизм, которых не было во французской романтической прозе. Если французские романтики создают скорее энциклопедию «души человеческой», то у Лермонтова за счет событийной насыщенности романа, более органичного взаимопроникновения социального, психологического и общечеловеческого пластов создается энциклопедия жизни «исторического» человека.

В работе ставится вопрос о сложности субъектных отношений в произведениях Лермонтова и французских романтиков. «Монологизм» «личных» романов не был абсолютным. Соотношение философских идей, жизненных представлений героев мыслится авторами французского аналитического романа и Лермонтовым как диалогическое, опосредованное сложными связями, многообразно взаимодействующими между собой. Подобная эстетическая концепция подготавливала почву для полифонического романа.

Уже Шатобрианом была сделана попытка рассмотреть проблему мировоззрения героя в соотношении с иными типами духовного склада личности. В его романе намечалась тенденция к своеобразному полифонизму. Русскому писателю удастся глубже раскрыть взаимозависимость внешних обстоятельств и внутреннего мира героя, а также соотношение различных сознаний и жизненных позиций. Своеобразие его подхода заключается в признании того, что наиболее полно характер Печорина проявляется в столкновении с другими

людьми, в разных жизненных обстоятельствах. Вместе с тем, при погружении героя в иную среду происходит испытание «на жизненную содержательность и полноту»⁴ других типов мировоззрения.

Лермонтов изображает не только «болезнь», коренящуюся в «потаянных уголках» человеческого сердца, но и утверждает поиск героем сближения с окружающим миром как возможный способ преодоления «болезни века». В эстетическом плане это способствовало тому, что русский писатель стремился к созданию в романе более широкой эпической картины. Это положение доказывается в ходе сопоставления «Героя нашего времени» с произведениями Шатобриана, Мюссе, Сенанкура. Мюссе пытался эстетически реализовать идею «многоголосного» повествования, но и ему не удалось воплотить ее со всей полнотой, поскольку в романе все персонажи предстают «пропущенными» сквозь призму субъективного восприятия главного героя. Проблема мировоззрения героя в романе Лермонтова не перестает быть в известном смысле «моноцентрической», однако активность жизненной позиции Печорина дает возможность наглядно проявить внутреннее содержание не только самого героя, но и других персонажей. Тенденция к самостоятельности образов намечалась у французских романтиков. В романе Лермонтова она проявляется в более усложненном виде. У Мюссе Бригитта и Смит духовно возвышаются над Октавом. Герой русского писателя предстает в сложной многоаспектной перспективе. Представления Максима Максимыча сопоставляются с жизненной философией Печорина, но не могут встать наряду с ней. Остальные образы романа имеют подчиненное значение по отношению к главному герою.

В работе отмечена тенденция к усложненному построению сюжета в произведениях французских романтиков и Лермонтова. Произведения Шатобрина, Сенанкура, Нодье, Мюссе характеризуются сложным соотношением, «наложением» лирического, психологического, философского «сюжетов». Устанавливается специфика сюжетостроения в лермонтовском романе по сравнению с французской романтической прозой, особое внимание уделяется сопоставлению романов Лермонтова и Мюссе. Неудачные попытки духовного возрождения Октава, так же как и у Печорина, повторяются в нескольких частях романа, но если у героя Лермонтова они подчеркивают

⁴ Удодов Б. Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989. С.153.

углубление одной и той же трагедии, то у Октава становятся этапами на пути к постижению духовного идеала. Роман Лермонтова построен по принципу кольцевой композиции, у Мюссе финал романа разомкнут. Лермонтов использует тот же принцип новеллистического повествования, что и Мюссе, но еще более обнажает отсутствие единого «сюжета».

В диссертации проанализированы способы выражения авторской позиции. Особенностью романа Лермонтова является то, что автор в нем нигде, за исключением предисловия, не выходит на авансцену повествования со своим прямым объяснением героя. Оценочные акценты Лермонтов расставляет непосредственно в романе, причем представление о Печорине создается во многом благодаря многообразной соотнесенности с другими персонажами, выступающей одним из важных средств его характеристики. Герои французских романтиков сохраняют тесную связь с автором, являясь в большей степени результатом его самовыражения. Вместе с тем, уже авторы французской исповедальной прозы пытались создать исповедь, которая была бы не только прямой проекцией мира их собственной души, но и исследованием мировоззрения «героя времени». Лермонтов поднимает этот эстетический принцип на новый уровень. Печорин остается близок автору (и в этом сказывается общность эстетического мышления русского и французских писателей), но вместе с тем Лермонтов способен отстраненно смотреть на героя, сделать его сознание объектом художественного исследования. Ему удалось представить крайне сложную авторскую позицию. В большой степени разделяя взгляды героя, он смог увидеть и жизненную драму, пережитую другими персонажами. Авторское сознание в романе «Герой нашего времени» приобретает, по сравнению с предшественниками Лермонтова, большую широту.

В диссертации отмечается отношение романа Лермонтова к эстетическим процессам, происходившим в русской литературе. Принципы художественной организации, осуществляемые писателем в «Герое нашего времени», стремление расширить круг жизненных сфер, в которые попадает герой, связываются с установкой на жанровую синтетичность, энциклопедизм, являющуюся особенностью национального развития русской прозы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Штырова А.Н. Принципы изображения человека в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и в произведениях французских романтиков. // Романтизм: Грани и судьбы. Тверь, 1999. С. 96-104.
2. Штырова А.Н. Тема героя «переломной» эпохи во французской романтической прозе и ее отражение в романе Лермонтова «Герой нашего времени». // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 2000. С. 153-154.
3. Штырова А.Н. «Образ века» в романе «Герой нашего времени» и произведениях французских романтиков. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: психология, педагогика, языкознание. Казань, 2002. С. 69-75.
4. Карташова И.В., Штырова А.Н. Традиции французского романтического «личного» романа в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова. // Романтизм: Грани и судьбы. Тверь, 2002. С. 114-122.
5. Штырова А.Н. Психологизм в романе Лермонтова «Герой нашего времени» и во французской романтической прозе. (0,5 п.л., в печати)
6. Карташова И.В., Штырова А.Н. «Собрание повестей» или роман? О жанровом своеобразии «Героя нашего времени» Лермонтова (0,5 п.л., в печати)